

Выйдя из Дворика Нефритового Ириса, Ху Ян чувствовал себя совершенно довольным и воодушевленным.

Однако не успел он сделать и нескольких шагов, как его окликнул Ху Юньшэнь и позвал в свой кабинет.

Оказавшись там, Ху Ян без утайки выложил дяде всё: и о планах троих старших братьев во главе с Ху Кунем, и о великих устремлениях Ху Пэя.

По мере рассказа Ху Юньшэнь то и дело менялся в лице: он то хмурился от досады, то поражался дальновидности Ху Пэя, а уж под конец, услышав о стремлении племянника занять пост верховного канцлера, и вовсе обомлел.

— Он действительно так сказал? — переспросил Ху Юньшэнь. — Намерен в будущем стать верховным канцлером?

Ху Ян сиял юношеским задором. Он искренне и веско кивнул:

— Чистая правда, дядя. С талантами и статью нашего Сяо Цзю у него точно всё получится.

— Ну и ну... — Ху Юньшэнь покачал головой и с улыбкой похлопал племянника по плечу. — А ведь я поначалу думал пристроить тебя во Внешний двор Великого золотого дворца, в Управу пяти ведомств, чтобы ты начал службу с должности младшего исполнителя.

— Ха-ха, отлично! — обрадовался Ху Ян, искренне преданный дяде. — Я во всём положусь на ваше слово. Отец всегда говорил, что в нашей семье вы самый мудрый и проницательный человек и уж точно не дадите меня в обиду.

Ху Юньшэнь невольно вспомнил своего третьего брата, Ху Юньсю. Тот и сам был хитрецом ещё тем, но вот надо же — породил простодушного, бесхитростного сына и на редкость расчётливую, острую на ум дочь, Ху Юньлин.

— Наш клан Ху — единое целое, — наставительно произнёс Ху Юньшэнь. — Взлетим, так все вместе, а падём — тоже не поодиночке. Вот, держи этот список чиновников из Управы пяти ведомств и Канцелярии срединных дел. Изучи его хорошенько. Запомни, кто за что отвечает и у кого какие слабости.

— Огромное спасибо, дядя! — Ху Ян бережно принял бумаги и спрятал за пазуху. Заметив, что Ху Юньшэнь смотрит на него со странным, трудночитаемым выражением лица, он смущённо почесал затылок и пробормотал: — Дядя... вам не кажется, что я немного глуповат?

— Вовсе нет, — добродушно рассмеялся Ху Юньшэнь. — Твоя чистая, бесхитростная душа — редкое сокровище в наши дни. Но у меня к тебе будет одна просьба.

— Только скажите, дядя! Всё сделаю в лучшем виде, — Ху Ян с готовностью хлопнул себя по груди.

— Раз Сяо Цзю открыл тебе душу и поведал о своих устремлениях, значит, он безгранично тебе доверяет. Однако верховный канцлер Цзи Сюэкан сейчас в самом расцвете сил...

Ху Ян весело усмехнулся, не дожидаясь, пока дядя закончит фразу, и уверенно перебил его:

— Дядя, вы слишком беспокоитесь за Сяо Цзю. Стоило мне выйти из Дворика Нефритового Ириса, как я тут же забыл обо всём. Если бы вы сами не спросили, я бы ни единым словом не обмолвился. Он меня строго-настрого предупредил.

«Когда племянник настолько умен, дяде действительно дышится легче», — подумал с облегчением Ху Юньшэнь. С довольным видом усмехнувшись, он лично проводил юношу до дверей.

Когда шаги Ху Яна стихли, Ху Юньшэнь позвал слугу Минъюэ:

— Сходи во Дворик Нефритового Ириса. Передай Сяо Цзю, чтобы вечером шёл ужинать к матушке.

Минъюэ поклонился и поспешил исполнить поручение.

Вечером семейство собралось за небольшим круглым столом.

Цзи Муюнь поглядывала то на сына, который мирно и чинно ел, то на мужа, который светился трудноскрываемой радостью. В душе её росло недоумение.

Едва Ху Пэй закончил ужин и, обменявшись с родителями парой вежливых фраз, удалился, госпожа Ху тут же нетерпеливо повернулась к супругу.

Ху Юньшэнь заговорщически улыбнулся:

— Наш Сяо Цзю хоть порой и ленится безбожно, но к своему будущему относится на удивление серьёзно. Знаешь, что он задумал?..

— И что же? — заметив, что муж загадочно качает головой и медлит с ответом, Цзи Муюнь напустила на себя суровость, хотя в глубине души тоже приободрилась. — Судя по твоему виду, у него действительно зреет отличный план?

— Именно так, дорогая, ты поразительно догадлива, — Ху Юньшэнь решил не томить жену и признался без утайки: — Наш мальчик метит ни много ни мало на место, где будет лишь один человек над ним, а под ним — миллионы.

Цзи Муюнь озадаченно нахмурилась. Кому, как не ей, знать характер собственного сына? При всей своей красоте и выдающихся талантах Ху Пэй всегда отличался ленью и никогда прежде не выказывал стремления к чиновничьей карьере.

— А-Пэй действительно так сказал?

— Самая настоящая правда, — убеждённо кивнул Ху Юньшэнь. — Наш шестой племянник Ху Ян своими ушами слышал слова этого бездельника. А уж он лгать не станет, парень он прямой, бесхитростный.

Слова мужа заставили Цзи Муюнь погрузиться в невесёлые думы, и она помрачнела от тревоги.

Ху Юньшэня охватила болезненная тревога. Он поспешно подошёл к жене, нежно обнял её за плечи и принялся мягко гладить по спине:

— Муюнь, любимая, не изводи себя напрасными тревогами.

Цзи Муюнь прижалась к груди мужа, уносясь мыслями в ту ночь, когда рожала первенца.

— Это всё из-за моего слабого здоровья... Мы поженились так рано, а я смогла подарить тебе лишь одного Сяо Цзю. У второй ветви дома — трое сыновей и три дочери, шум и веселье. У жены третьего брата — сын и дочь, идеальная пара. А наш Сяо Цзю... В день, когда он появился на свет, мы едва не потеряли его. Всё из-за меня...

— Глупости какие, разве в этом есть твоя вина? — Ху Юньшэнь с безграничной нежностью сжал её в объятиях и заговорил ласковым, успокаивающим шёпотом: — Не думай ты о других ветвях нашей семьи. Мы живём по законам дома Ху: исправно получаем своё жалованье каждый месяц, ведём дела и заботимся о матушке в её покоях. Большого нам и не нужно.

Цзи Муюнь лишь мысленно вздохнула. В такие минуты любой женщине хочется услышать совсем другие слова — что-то вроде: «Это не твоя вина, а моя, я оказался никчёмным мужем!» Но этот сухарь, как обычно, принялся раскладывать по полочкам будничные хлопоты. И всё же в этой его практичности сквозила такая надёжность, что обижаться не хотелось.

«Какая же ты у меня недотёпа в сердечных делах», — с мягкой укоризной подумала она.

Вслух она ничего не сказала — в конце концов, они уже столько лет вместе, к чему разыгрывать драмы? Слегка ткнув супруга кулаком в грудь, она ласково улыбнулась и

отправилась заниматься домашними делами. Дом их хоть и не был бескрайним дворцом, но забот в нём с таким количеством родичей всегда хватало с избытком.

Вернувшись во Дворик Нефритового Ириса, Ху Пэй умылся и рано лёг в постель.

Он долго ворочался с боку на бок, не в силах уснуть. Протянув руку в темноте, юноша осторожно коснулся мокрого носа свернувшегося клубочком Фэйбая и негромко прошептал:

— Если бы матушка с отцом смогли зачать ещё одного ребёнка, девочку... чтобы у них была и дочь, и сын, прямо как у третьей тётушки... Тогда бы матушка перестала смотреть на меня с этой вечной, щемящей сердце тревогой.

На следующий день Ху Пэй самолично изловил Хуан Сянь, которая бездельничала и лакобилась угощениями, шныряя между покоями его матери и Старой госпожи Ху.

Едва завидев юношу, Хуан Сянь смешно сморщила нос и проворно отпрянула на шаг:

— А-Пэй, ну и силища от тебя исходит! Лис за версту чую, дышать нечем!

Ху Пэй помрачнел и холодно процедил:

— Смотри у меня. Не спрячешь хвост как следует — я его самолично оторву.

— А? Где?! — перепуганная Хуан Сянь завертелась на месте, пытаясь рассмотреть себя сзади, но, не обнаружив ничего лишнего, обиженно надула губы: — И зачем так пугать? Для нас, Великих бессмертных Хуан, лисы — первейшие враги. Вполне естественно, что я держусь от тебя подальше!

Ху Пэй лишь мысленно усмехнулся:

«Перед тобой стоит настоящий лисий дух, а ты, мелкая пакостница, даже не дрожишь».

— У меня к тебе дело, — посерьёзней Ху Пэй. — Скажи, есть ли у тебя способ укрепить здоровье моей матушки, чтобы она смогла выносить и родить ещё одного ребёнка?

Хуан Сянь изумлённо округлила глаза, а её кругленькое бледное личико вытянулось от недоумения.

— Ты просишь о потомстве у лесного духа? — прыснула она от смеха. — Проще всего, конечно, если я сама помогу твоей матушке зачать. Или, может... твой отец... хе-хе... одарит дитятей меня?

Ху Пэй едва не задохнулся от возмущения. За всю его жизнь мало кто мог так легко вывести его из равновесия, но этой проныре это удавалось шутя. Впрочем, чего ещё ждать от лесного духа? Моральные устои людей были ей чужды по самой её звериной природе.

— Спросил на свою голову, — раздражённо бросил он.

— Эй, постой, куда ты? Что это значит? — Хуан Сянь преградила ему дорогу, замахав руками. — Объясни нормально!

— Я спрашиваю, можешь ли ты как-то помочь моим родителям зачать дитя? — Ху Пэй осёкся, заметив, как хитро и двусмысленно сощурилась Хуан Сянь. Поняв, что в её пустой голове зреют исключительно похабные мысли, он махнул рукой: — Забудь. Не с тем заговорил.

Хуан Сянь сердито притопнула ножкой:

— Тоже мне, недооцениваешь меня! Зачать ребёнка — дело нехитрое. Да только тут всё зависит от Колеса Сансары: отпустит ли оно душу для перерождения или нет.

Ху Пэй даже не обернулся, направляясь напрямик к себе во Дворик Нефритового Ириса. Расспрашивать лесного духа о делах семейных и впрямь было верхом глупости.

На следующий день слуга Минцуань, возвращаясь со служебной кухни госпожи Ху с корзинами еды, увлечённо делился сплетнями:

— Представляешь, вчера госпожа выставила хозяина за дверь!

— С чего бы это? — удивился Ху Линь. — Госпожа с господином всегда жили душа в душу.

Минцуань поспешно зажал рот ладонью, давась от смеха:

— Ляньпэн случайно проговорила. Говорит, вчера ночью из спальни госпожи то и дело требовали принести горячей воды для омовения...

— Кхм! — раздалось сухое покашливание со стороны дверей.

Ху Пэй строго посмотрел на Минцуаня, который мгновенно побледнел, осознав свою оплошность, и на растерянного Ху Линя.

— Если вам так нравится чесать языками, можете убираться из Дворика Нефритового Ириса, — ледяным тоном произнёс молодой господин. — Ху Линь, ступай и приведи ко мне Хуан Сянь. Если станет упрямиться — тащи силой, волоком, как угодно, но чтобы она была здесь.

Вскоре приказ был исполнен: Ху Линь притащил брыкающуюся Хуан Сянь прямо на плече.

Едва оказавшись на полу, девчонка-дух яростно затопала ногами, осыпая парня проклятиями:

— Ах ты неблагодарный, Ху Линь! Я к тебе со всей душой, вкуснятиной делилась, а ты приволок меня прямо в когти к заклятому врагу!

«Не побоялась бы я раскрыть себя, устроила бы тебе сладкую жизнь!» — сердито думала она.

— Хватит, — прервал её Ху Пэй. — Ху Линь, Минцуань, оставьте нас.

Когда слуги ушли, Ху Пэй посмотрел на Хуан Сянь, которая упорно не желала переступить порог комнаты. Не став настаивать, он нахмурился:

— Что ты вчера устроила в покоях моих родителей? Сегодня только и разговоров, что об их ночных приключениях.

Мало того что слуги шептались, так ещё и все окрестные твари — от мышей под альпийской горкой до семейства сорок на старой сосне — без умолку пищали и судачили об одном и том же.

Хуан Сянь виновато потерела край своего платья и пробормотала под нос:

— Ну ты же сам просил, чтобы твоя матушка понесла... — Она вызывающе вскинула голову, уставившись на Ху Пэя: — А как это ещё делается? Чем больше попыток, тем вернее результат!

Ху Пэй прижал ладонь ко лбу, силой подавляя подступившую к горлу волну гнева. Сделав глубокий вдох, он устало отмахнулся:

— Всё, довольно. Не лезь не в свои дела. Моя матушка...

Он не решился сказать вслух, что она уже немолода, но здоровье у неё действительно было хрупким.

— Я сам обо всём позабочусь, а ты больше не смей вмешиваться со своими колдовскими штучками. Уяснила?

— Ладно-ладно, — надула губы Хуан Сянь и воровато покосилась на закрытые двери главного зала. — Раз ко мне вопросов больше нет, я пойду?

— Погоди, — негромко окликнул её Ху Пэй, прикрыв рот ладонью. — Когда бегаешь по поместью, держи свою духовную силу при себе. Если она вырвется наружу, это может пагубно сказаться на судьбах простых людей.

— Знаю я, знаю! Я же не злой дух, чтобы людскую кровь пить. Людей не трогаю, только кур... то есть яйца ворую! Всё, я побежала! — И Хуан Сянь мгновенно растворилась в воздухе.

Ху Пэй со вздохом покачал головой и вернулся в дом.

Он подошёл к расшитому парчой стулу, на котором свернулся белый лис, бережно взял его на руки и провёл ладонью по мягкой шёлковой шёрстке. Глядя в его умные глаза, он тихо спросил:

— Может, у тебя найдётся решение?

Божественное сознание Повелителя Грома шевельнулось. Белый лис приоткрыл свои алые глаза и обнажил клыки в хитрой ухмылке, напоминая коварного лесного духа, замышляющего шалость.

"Твоему отцу по судьбе предначертано иметь сына и дочь, причём старший сын должен был умереть во младенчестве. Но твоя душа заняла тело этого ребёнка, явив миру Ху Пэя. Тем самым ты преградил путь той душе, что должна прийти следом".

— Что это значит? — Ху Пэй бережно устроил лиса на мягкой кушетке и пристально посмотрел на него.

"Не будь тебя, твой отец приложил бы куда больше усилий. Но сейчас, имея столь одарённого наследника, он абсолютно доволен жизнью и не помышляет о других детях. Вот зачатие и не выходит, чему тут удивляться?"

В мысленном голосе Повелителя Грома послышался вздох лёгкого снисхождения. Не будь этот юноша Чжаогэ, он бы и пальцем ради него не пошевелил.

Ху Пэй лишился дара речи от подобного объяснения.

— Иными словами... мне всё-таки нужно попросить Хуан Сянь, чтобы она заставила отца

трудиться по ночам усерднее? — при этой мысли Ху Пэй невольно прижал руку к лицу.

Лис оскалился, явно сдерживая смех, но затем принял серьёзный вид:

"Подумать только, простая житейская мелочь поставила в тупик самого мудрого Чжао... Кхм. Почему бы тебе просто не поговорить с матерью?"

Ху Пэй удивлённо взглянул на лиса, который уже уткнулся носом в лапы. Ему показалось, или в мыслях собеседника сорвалось какое-то незнакомое имя?

— Поговорить с матерью? Если я скажу ей, что мне слишком одиноко одному и я очень хочу брата или сестру... Да, именно так и следует поступить!

Он снова взял Фэйбая на руки, ласково погладил по спине и с тёплой улыбкой произнёс:

— Вернусь ли я когда-нибудь в свой истинный облик — не так уж важно. Мне кажется, это тело тебе очень к лицу.

Лис лишь лениво повёл глазами и ничего не ответил.

Оставив Фэйбая на кушетке, Ху Пэй отправился в покои госпожи Ху. Начав разговор издали, он завёл речь о седьмой сестре, Ху Юньлин, и её заботливом отношении к младшим...

— Матушка, мне бы тоже хотелось, как шестому брату, иметь младшую сестрёнку, чтобы оберегать её и заботиться о ней.

Цзи Муюнь почувствовала сладкое волнение. Ведь прошлой ночью, разделяя ложе с супругом, она думала ровно о том же!

Вот только возраст её уже поджимал, да и Ху Пэй вырос на редкость смыслённым и самостоятельным юношей. Она втайне опасалась, что появление младенца заставит сына ревновать или почувствовать себя обделённым материнским вниманием...

— И тебя не расстроит, если внимание твоего отца разделится на двоих? — осторожно спросила она. — Посмотри на западное крыло усадьбы: там чуть ли не каждый день вспыхивают ссоры. Братья и сёстры грызутся из-за малейшего пустяка, лишь бы выслужиться перед родителем.

— Матушка, если твой сын чего-то стоит в этой жизни, к чему ему крохи отцовского наследства? А если окажется никчёмным — то тем более хорошо, если у вас родится ещё один ребёнок. Он и опорой вам станет в старости, и дом наполнит детским смехом. Разве это не прекрасно? — ласково улыбнулся Ху Пэй, стремясь успокоить материнское сердце.

— Глупенький ты мой, — растроганно прошептала госпожа Ху. — Я знаю, что у тебя великие цели и ты не заришься на семейное имущество. Но мне просто не хочется, чтобы ты чувствовал себя обделённым.

«Повелитель Грома был прав», — с тихой грустью подумал Ху Пэй. — «Я действительно невольно преградил путь новой жизни».

В его душе шевельнулась нежность, и он мягко накрыл ладонь матери своей рукой.

Цзи Муюнь вздрогнула и с любовью посмотрела на красивое, одухотворённое лицо своего мальчика.

— А-Пэй... — Она высвободила руку и нежно коснулась его щеки, искренне улыбаясь: — Мама так давно хотела вот так просто обнять тебя и погладить.

Его решимость подарить матери счастье вновь нянчить дитя только укрепилась.

— Матушка, я действительно очень хочу брата или сестру.

Госпожа Ху слегка смутилась, но её глаза светились облегчением. Она шутливо щёлкнула сына по лбу:

— Глупыш, такие дела не решаются по воле одной лишь матери. Кстати, тебе ведь сегодня вечером нужно идти на ужин в западное крыло? Ступай переоденься и приготовься к выходу.

Ху Пэй послушно кивнул. Главное было сказано — порой достаточно крошечной искры, чтобы раздуть великое пламя. Почтительно поклонившись, он покинул покои матушки.

Шагая по усыпанной сухими листьями тропинке Сада Сосен и Бамбука, он невольно коснулся лба, где всё ещё хранил тепло материнского щелчка.

Ему вспомнилось его предыдущее перерождение в Великом золотом дворце и наложница Юань Фан. Её измученная, обезумевшая от горя душа никак не желала уходить на покой и отправляться к Колесу Сансары. И лишь когда Ху Пэй тихо произнёс ей вслед:

— Твой сын пройдёт этот путь вместе с тобой, матушка.

Только тогда мятежный дух наконец обрёл умиротворение и растворился в небытии.

Вернувшись во Дворик Нефритового Ириса, Ху Пэй сразу подошёл к Фэйбаю:

— Послушай, а давай заключим сделку?

Повелитель Грома приоткрыл один алый глаз.

"И-и-и..." — издал лис вопросительный писк.

Ху Пэй невольно рассмеялся:

— Ты ведь умеешь говорить со мной мысленно, зачем подражать обычному зверю?

Великий божественный дух, разумеется, промолчал, сочтя этот вопрос ниже своего достоинства. Однако правда заключалась в том, что долгое пребывание в зверином теле неизбежно накладывало отпечаток на его повадки.

— Помоги моей матушке пон... точнее, помоги моим родителям зачать... — Ху Пэй резко поднялся, зажмурился на мгновение, а когда открыл глаза, увидел, что лис хитро прищурился, а его взгляд так и искрился весельем. Юноша вздохнул: — В общем, ты меня понял.

Повелитель Грома величественно кивнул:

"Сам процесс зачатия — не моя забота, тут я бессилен. Однако я могу ускорить движение Книги Судеб, направив нужную душу в Купель Перерождения чуть раньше положенного срока. Тогда сама Великая Судьба дарует твоей матери дитя."

"Ты ведь сегодня вечером идёшь в западное крыло поместья? На заднем дворе возле грядок есть заброшенный колодец. На его дне лежат два тела — достань их. Как только их останки упокоятся, томящиеся в Девяти Преисподних души очистятся от скверны обиды и смогут отправиться на перерождение. Это и будет нашей сделкой".

Ху Пэй облегчённо вздохнул и согласно кивнул:

— Договорились.

<http://bllate.org/book/18313/1759306>